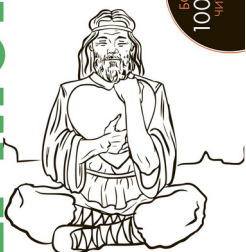

ЛЕРМОНТОВ
ВЛАДИМИР

VLADIMIR LERMONTOV

*Сила
поющего
сердца*

БОЛЕЕ
1000000
ЧИТАТЕЛЕЙ

*Путь к вершинам
совершенства*

Владимир Юрьевич Лермонтов

Сила поющего сердца. Путь к вершинам совершенства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627676

В. Лермонтов Сила поющего сердца. Путь к вершинам совершенства: ООО «Амрита»; Москва;

2012

ISBN 978-5-413-00739-6

Аннотация

Мне нередко задают вопрос: правда ли то, что написано в ваших книгах? Убежден, дорогой мой читатель, что с тобою происходили не менее чудесные и удивительные события. Каждый человек может написать о своей жизни книгу, полную невероятных, сказочных приключений, которую будут читать так же как и мои книги, и восклицать: «Не может быть!»

В. Лермонтов

Содержание

Глава 1. Ветры-испытания	5
Глава 2. Брань невидимая	7
Глава 3. Последнее искушение	10
Глава 4. Свет на дне колодца	11
Глава 5. Небесная грамота	12
Конец ознакомительного фрагмента.	26

В. Лермонтов

Сила поющего сердца. Путь к вершинам совершенства

Любовь побеждает все!

*Любовь рассеивает тьму, одолевает зло, осиливает невежество,
рождает вселенные, одерживает верх над самой смертью, Любовь –
Сам Всевышний. Что может сравниться с Господом?*

© Оформление. ООО «Амрита», 2012

© Лермонтов В., 2011

Глава 1. Ветры-испытания

Испытания, как ветры, порой дуют нам в лицо. И нет человека на земле, который бы не проходил проверку на прочность. Кого-то эти ветры-испытания прижимают, пригибают к земле. А кто-то, напротив, будто птица, расправляет свои крылья, и его эти потоки воздуха поднимают выше, к небу, солнцу, звездам, откуда открывается новое сознание, новое видение мира. Может быть, именно для этого и дуют нам в грудь ветры-испытания? Вероятно, Всевышний посылает нам их не для того, чтобы придавить нас к земле, а для того, чтобы мы сумели подняться выше, чтобы мы наконец научились летать. И тогда, может случиться, это и не наказание, а благоволение свыше. Как научиться принимать этот напор испытаний, событий, переживаний не как кару небесную, а как послание Божественное, предложение расправить крылья своего сердца и попытаться взлететь?

Отшельник Макарий сидел на пне в колючей темноте своей кельи-пещеры, низко свесив голову. Руки, упершись в колени, закрывали его лицо, плечи вздрагивали, и при этом раздавался сухой стон, исходящий из недр существа пустытника. Ему не хотелось смотреть на мир, потому что сердце его разрывалось от душевной боли и тоски. Нет, совсем не много воды утекло с тех пор как старец Нектарий покинул землю и оставил Макария в одиночестве, дав прежде важные наставления по поводу отшельнической жизни, а главное, относительно того, как достигнуть высшей степени духа – силы поющего сердца. Однако старец не сказал главного – что нужно пройти, какие испытания предстоит пустытнику преодолеть, дабы достигнуть вершины молитвенности. По-видимому, в этом умалчивании был свой смысл, потому что каждому путнику к вершине совершенства отмеряется своя мера, своя чаша скорбей, которую приходится испытать. К чему наперед говорить о предстоящих печалях? Ведь то, что странника, отправившегося в далекую дорогу к вершинам духа, ждут опасности, испытания, даже угрозы для самой жизни, и так очевидно, ибо ничто истинное не дается без истинных преодолений.

Не много воды утекло в горных бурных реках кавказских с тех пор как Константин, бывший десантник, под новым именем Макарий отправился в путешествие в глубины собственной души в поисках высшей благодати с благословения старца Нектария, ушедшего в мир небесный. Это путешествие сознания невозможно измерять временными рамками, поскольку там час пути может быть равен году, а день – целой вечности. За мгновения глубоких переживаний можно прожить целую жизнь, и таким образом духовно ищущий за одну жизнь проживает множество жизней. С другой стороны, тот, кто проходит по жизни поверхностно, не задумываясь, зачем он живет, для чего он пришел на эту землю, каков смысл его бытия, – не проживает и одной жизни. Вернее, он проживает чисто биологическую жизнь, но не человеческую, ведь человек не растение и не животное, он приходит в этот мир со своей особой миссией созидания, творения, эволюции. Всевышний дает людям жизнь для того, чтобы они стали сотворцами Ему на земле, чтобы они в процессе бытия прежде всего творили собственную душу, открывали сердце, расширяли свое сознание, дабы могли подниматься по ступеням эволюции к более высоким ступеням совершенства, гармонии, а главное, любви. Господь желает, чтобы мы стали подобными Ему в полном смысле, а коли Бог есть любовь, так чем более в нас любви, тем ближе мы к Богу, тем более мы уподобляемся Ему.

Макарий не мог и предположить, какие испытания встретятся ему на пути к вершинам любви и благодати, когда он отправлялся в дорогу по лабиринтам, ущельям и дебрям собственной души. Только вначале это путешествие виделось интересным и трудным, но трудным в известном смысле, в рамках того опыта, который до настоящего времени пережил Макарий. Однако то, с чем пришлось соприкоснуться, встретиться пустытнику, трудно опи-

сать и понять обычному мирскому разуму, потому что духовный опыт переживаний отличается от мирского, как день отличается от ночи.

После смерти Нектария Макарий принялся исполнять творение Иисусовой молитвы по четкам, как и наставлял старец. Он ходил по горам, работал в огороде, собирал хворост, ягоды, грибы и непрестанно повторял молитву. Молился он от всего сердца, с пристрастием. Так прошло более двух месяцев. Однажды ночью при молении, когда он стоял на коленях и созерцал ночное небо, усыпанное сияющим хрусталем звезд, молитва вошла в его сердце и стала сама совершаться день и ночь. Это был дар Всевышнего пустыннику, дар, который был дан как аванс перед большими испытаниями, перед большой сердечной бранью, дабы укрепить молитвенника.

Великую и бескрайнюю благодать испытал Макарий после этого нисхождения Божественного Духа в его сердце. Душа молитвенника будто в весеннее половодье разлилась по всей земле, по всему свету и обняла весь этот мир в трепете любви и нежности ко всему сущему. Слезы радости текли из глаз Макария, и он благодарил Всевышнего словами: «Слава Тебе, Господи, за все! Благодарю Тебя за все печали и радости, какие Ты дал мне пережить! Об одном прошу Тебя, Создатель, – не отнимай этой благодати, дай мне как можно дольше находиться в этом состоянии несказанной благодати и счастья!»

И последняя просьба пустынника была верной, ибо скоро это состояние переживания неизреченного света прошло и началась битва, именуемая в духовной терминологии «брань невидимая».

Глава 2. Брань невидимая

Все святые подвижники проходят борьбу с демонами. Многие в этом единоборстве с темными силами пострадали, доходя до отчаяния, душевных расстройств, таких, что сходили с ума и даже кончали жизнь самоубийством. В мирской жизни вследствие атаки враждебных сил совершаются многие преступления. Каждый человек в своей жизни не раз подвергается воздействию духов злобы, которые стремятся сбить человека с истинного, Божественного пути, напугать, увести в сторону, толкнуть на злой, недобрый поступок. Причем эти демоны умны, хитры, лукавы.

Однако одно дело, когда человек живет среди людей, другое дело, когда остается в уединении. Святые отцы говорят, что если в первом случае духи злобы по силе своей подобны голубям, то в пустыне они нападают на подвижника как львы или леопарды. Вначале они набрасываются на пустынножителя в виде чудовищ, змей, различных гадов, стараются напугать отшельника. После того как отшельник выдержит эти нападки, исчерпав меру испытания страхом, демоны идут дальше в своих пакостных делах и предстают уже в светлых обликах, Божественных образах. В этом обмане они усердствуют склонить молитвенника к тому, чтобы он поклонился им и тем самым признал в них Божественную природу. Если пустынный поддается обману и поклонится духам злобы, это заканчивается тяжелой душевной болезнью, а то и полным умопомешательством, вплоть до смерти. Но и это еще не все. Потому как за этим следует третье, последнее, самое страшное и мучительное испытание – испытание Богооставленностью. В этом состоянии душа подвижника погружается в особый мир, где царит мерзость запустения, где нет Бога. В таком состоянии страдания и скорбь, посещающие душу ищущего, неизъяснимы в рамках земного, человеческого опыта, так как подвижник испытывает особую метафизическую боль. Великие посвященные, прошедшие это страшное испытание, говорили, что страдания, какие они испытывали в этом искушении, превышают страдания приговоренных к смерти.

Борьба с бесами у Макария началась с того момента, как ему почудилось, что, когда он спал, ему в рот заползла змея. Он вскочил со своего ложа, и мокрый холодный пот заструился по его спине. Ему показалось, что она лежит в его животе, давит вниз и даже шевелится. Пустынника охватило такое отчаяние, что он инстинктивно схватился за нож, чтобы сделать себе разрез живота и выбросить гадину из своей утробы. И только в последний момент, когда из-под острия ножа, упертого в кожу живота, появились капли крови, он остановился, осознав, что после такой операции он хотя и избавится от непрошеной гостьи, но может просто не выжить. Тогда Макарий упал на колени и взмолился Господу о том, чтобы ему освободиться от змеи, чтобы она вышла из него и освободила его внутренности. После нескольких часов горячих молений наваждение отступило. И только тогда Макарий понял, что это было искушение, а не реальное событие.

Духи злобы изобретательны, и потому никогда не знаешь, чего, а точнее какой пакости, ожидать от них в следующий раз. Пустынный Макарий продолжал бороться с нападениями бесов. В какой-то степени бывший десантник почувствовал себя на поле боя, где враг повсюду и в любой момент может атаковать с разных сторон, и главное, самым необычным образом.

Как-то ночью Макарий услышал за стенами своей пещеры страшный вой дикого зверя, похожий на львиный рев. Мурашками покрылась кожа пустытника, и волосы встали дыбом на голове, но он решил бороться до конца, тем более что отступить было некуда. Он сидел на пне и, прикрыв глаза, молился, точнее пытался молиться, стараясь сквозь дикий рев, доносящийся снаружи, услышать свой голос. А потом в проеме появилось что-то бесформенное, темное, если и похожее на что-то, то, возможно, на огородное пугало. Это пугало взмахнуло

будто рукой – лохмотьями и грозным, хриплым голосом проговорило, а точнее сказать, прокаркало:

– Беги отсюда, Макарий, исчезни вон и более не возвращайся, иначе мы растерзаем тебя и ты умрешь здесь!

Макарий принялся крестить это чудовище, а оно в ответ начало громко и дико хохотать. Этот нечеловеческий хохот стал нарастать так, что понесся эхом по горам и ущельям.

С каждой ночью демонские наваждения стали усиливаться. И теперь пустынножитель говорил сам себе, что главное – дотянуть, дожить до утра, а там уже с первыми отсветами зореньки-спасительницы враг отступает, и настает время затишья, когда можно отдохнуть и набраться сил для следующего единоборства.

Однажды ночью ему представилось, что его пещера развалилась, стены рассыпались и со всех сторон на него устремились табуны диких зверей, жаждущих растерзать пустытника. А в голове при этом проносились мысли-наваждения, что, дескать, один в поле не воин и потому не выдержит такой атаки, погибнет. Упал на землю Макарий, закрыл глаза и приготовился к неминуемой смерти. Сколько часов лежал в оцепенении отшельник, неведомо, потому как минута таких страхов подобна вечности. А тем временем пещера пустытника наполнилась бесами, которые пели и плясали так, что тряслась земля. И песни их были похожи на вопли умалишенных.

Силы пустытника постепенно таяли, ибо духи злобы уже совсем не давали ему спать. Днем, когда он все-таки погружался в сон, это состояние забытья не приносило ему отдохновения, поскольку снилось ему то же, что происходило с ним ночью, накануне.

Однажды в полночь его пещера наполнилась странным светом, который проникал сквозь его тело так, что Макарий начал видеть свои внутренности. И вдруг глупый, неестественный смех стал одолевая пустытника. Он стал смеяться, и, сколько себя ни сдерживал, не мог остановиться, пока не схватил в отчаянии полено и со всего маху не ударил себя по лбу. Кровь из раны попала на его губы, и смех отступил.

«Ты уже святой», – говорили ему бесы. А потом пророчили: «Ты все равно погибнешь». Тогда Макарий спрашивал: «Почему вы говорите по-разному?» А бесы отвечали: «Мы никогда не говорим правды».

Казалось, что пустытник наконец изучил все уловки духов злобы, но это только казалось, потому что вскоре наступил второй период испытаний. После полуночи, когда Макарий сотворил свое обычное вечернее молитвенное правило, в пещере воссиял такой свет, что невозможно было открыть глаза. Когда пустынножитель все-таки приоткрыл глаза, то увидел прекрасных юношей. От их лиц исходили яркие лучи. «Макарий! Мы – ангелы Божии пришли к тебе, чтобы воздать тебе хвалу за твои подвиги в борьбе против бесов. Вот смотри, к тебе идет сам Спаситель Христос. Поклонись ему!». Макарий, не разгадав бесовского обмана, соблазнившись на лестные слова светлых пришельцев, поклонился тому человеку, который вошел в его келью, окруженный сияющим светом. Сей же час демоны учинили безумные пляски в пещере и кричали в безудержном восторге: «Наш Макарий! Наш! Нам ты поклонился, нам теперь и будешь служить!» Они схватили пустытника и начали его кружить, плясать с ним, скакать на нем. Оставили его только при первых просветлениях на востоке в полном изнеможении.

Целый месяц после этого не мог ходить пустытник, а только лишь передвигался на коленях, по-собачьи. Когда же пытался произнести слова, то выходил лишь лай, или мяуканье, или просто звериное рычание. Много слез пролил Макарий в таком бедственном положении, осознавая, что стал превращаться в зверя. Даже лесная звериная братия, оставленная по наследству от старца Нектария, которая хотя и изредка, но все-таки навещавшая отшельника, теперь перестала появляться вовсе. Звери понимали, инстинктивно чувствовали, что с человеком происходит что-то неладное. Один лишь Бурый неизменно навещал Макария.

Пустынник утыкался лицом медведю в теплый живот и рыдал как ребенок. И казалось, Бурый понимал, что происходит с Макарием. Зверь дубравный так и клал свою тяжелую лапу на затылок человека и по-своему, по-медвежьи рычал куда-то вдаль. Будто старался своими звериными силами отогнать демонов от молитвенника, которого они довели до столь плачевного состояния.

Глава 3. Последнее искушение

Как бы то ни было, но Макарий все-таки преодолел второй рубеж демонских испытаний. К нему вернулся дар речи, и он встал на ноги. Темные силы будто отступили от пустычника навсегда. Однако этот покой был лишь затишьем перед бурей, ибо духи злобы решили направить на Макария последнее и самое сильное свое оружие – испытание Богооставленностью.

Однажды утром пустыжник, очнувшись от тяжелого ночного забытья, выглянул из пещеры и понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее, ужасное и необъяснимое. Весь мир утратил краски – все было в черно-белом цвете! К сердцу Макария подступила такая тоска, что кроме как адской ее никак не назовешь. Мир для него стал пустым и мерзким. Недаром в народе считается самым тяжелым проклятием, когда обидчику желают: «Чтоб тебе пусто было», – потому что от этой самой пустоты люди чахнут и умирают. Не выдерживают они такой неземной тоски, какая поселяется в душе человеческой.

Покачиваясь от ужаса, он побрел на поляну, сорвал цветы и поднес к лицу, но запаха у них не было! Он сделал несколько попыток, до боли втягивая воздух через нос, желая уловить хотя бы какой-нибудь аромат, но воздух, казалось, был стерильным.

Макарий пристально осмотрелся вокруг. Там у леса кружилась стая веселых птиц, но отшельнику виделось, что это вертятся осенние листья. «Неужели сейчас осень? – подумал он. – Ведь должна быть весна. Или я вовсе потерял счет дням? Какое же сейчас время года? Может быть, я сошел с ума?» С такими тяжелыми мыслями, с последним отчаянием отшельник сидел на пне в своей келье-пещере, и душа его стонала, плакала от безумного чувства мерзости и пустоты, адского томления и тоски. Ужас безнадежности охватил и сковал все его существо. Макарию чудилось, что его опустили на дно колодца, где мрак достиг своего предела. А время, казалось, вовсе замедлилось и остановилось. «Бога умолить невозможно!» – к такому умозаключению пришел Макарий. И он стал размышлять о смерти, как о вожаемом шаге к избавлению от этого адского томления. «Боже, Боже! – повторял он шепотом. – Почему ты меня оставил?!» Его сухие, покрытые коркой губы едва двигались.

В полночь пустыжник услышал за стенами своей пещеры некоторое движение, будто идет толпа людей. Он вышел наружу и увидел странное зрелище: в свете яркой, полной луны шествует похоронная процессия. Люди движутся в различных костюмах со свечами и факелами в руках. И от светильников исходит темное свечение, будто ненастоящее. А в центре этой траурной процессии четыре человека несут гроб.

Макарий сразу понял, что это бесовское наваждение, и хотел поднять руку, чтобы сотворить крестное знамение сначала на себе, а потом оградить им и все это демоническое скопище, да рука будто окаменела, так что даже пальцем он не смог пошевелить.

– Кого вы хороните? – спросил сокрушенно пустыжник.

Тогда вся церемония остановилась, и множество взоров устремилось вмиг на Макария.

– Тебя хороним, Макарий! – вдруг раздался противный, писклявый голос из толпы. – Отступился от тебя Господь, Макарий. Теперь ты наш. Мы принимаем тебя в свое темное войнство. А для мира ты умер, вот мы тебя и хороним.

После этих слов гроб открылся и из него стал подниматься отвратительный скелет. Макарий закрыл глаза, чтобы не видеть этой мерзости, и побежал в свою келью. Как только он укрылся в своей келье, снаружи стал раздаваться плач женщин. Они голосили так жалобно и истошно, будто оплакивали умершего. Пустыжник закрывал уши, чтобы не слышать этого невыносимого в своей мерзости крика, но это не помогало, потому как звуки не убавлялись, будто источник находился не снаружи, а внутри пустытника.

Глава 4. Свет на дне колодца

Макарию стало казаться, что он умирает, и это дало первый слабый лучик надежды, что его адские мучения наконец-то закончатся. Он чувствовал, как его члены холодеют, будто в них перестает поступать кровь. А сердце стучит все реже и тише. «Слава Богу, – подумал он. – Господь услышал мои молитвы и забирает меня к Себе». Он лег на свое ложе, закрыл глаза и скрестил руки на груди. «Пусть это произойдет как можно быстрее», – подумал он. И в этот момент он вдруг уловил необычайно приятный аромат, появившийся в воздухе. «Что это? Не может быть», – рассуждал Макарий. И тогда пустынный глубже втянул воздух, и аромат не исчез, а напротив, стал еще сильнее. Это было похоже на благовония – синтез множества нежнейших запахов смол, цветов и трав. «Да что же это?!» – возмутился он, когда благовония наполнили уже его сердце покоем и тихой радостью. – Неужто так смерть приходит? Или это опять бесовское наваждение? Или я уже умер?»

И вдруг Макарий услышал голос, раздавшийся в его келье, как гром небесный.

– Не умер, не умер, Макарушка. Рано тебе еще об этом думать. Тебе еще жить надобно и много дел добрых совершить.

Макарий не поверил своим ушам, он боялся открыть глаза. Но когда все-таки осмелился приподнять веки, то застонал: «Нектарий! Отче!»

И тут же испугался, потому что мысль, подобно молнии, резанула его сознание – вдруг это наваждение, вновь демонские игры? И Макарий принялся крестить старца Нектария, стоящего посередине пещеры, широко и ласково улыбающегося.

– Крести меня, Макарушка, крести. Твоя правда есть в том. Много ты потерпел пакостей от сил демонских.

И тогда Макарий понял, что это никакая не бесовская игра, не наваждение, а что ни на есть самый настоящий Нектарий. Только вот выглядел он как-то молодо, был свеж и бескрайне радостен. Наверное, таким выглядит юноша, когда весеннею порой переживает первое прикосновение любви. Нектарий весь светился не только счастьем, но каким-то светом, будто из его лица исходили лучи. Макарий даже зажмурился вначале, чтобы привыкли глаза к этому световому явлению.

– Как хорошо, отче, что ты пришел! – наконец выговорил Макарий. – Как мне было тяжело.

– Знаю, знаю, Макарушка. Преодолел ты три уровня испытаний. Я наблюдал за тобой и все видел. А вот помочь не смел, потому как каждый должен пройти свой путь сам, без посторонней помощи, и только тогда он по-настоящему возрастет и возмужает. Такова, радость моя, цена подлинному духовному восхождению.

И завязалась у них сокровенная, душевная беседа. Макарий внимал речам своего наставника, как будто пил живительную влагу после того как чуть не умер от жажды в жаркой, жестокой пустыне духовной брани. И прохладный нектар присутствия, речи, энергии старца благостно вливались в истомленную страданиями, искушениями душу и тело пустынножителя Макария.

И только через некоторое время Макарий вдруг осознал, что старец к нему пожаловал из небесного мира, что он хотя и настоящий, то есть такой, какой был при жизни, но все-таки уже другой. Его новое тело имело совершенно новое, неизвестное качество, возможно такое же, каким обладал Христос, явившись Своим ученикам после Воскресения.

Глава 5. Небесная грамота

С тех пор старец Нектарий стал приходить к Макарию каждую ночь в течение месяца и наставлял его, просвещая, во многих тайнах и загадках мира земного и небесного. И вопросам у Макария не было числа.

– Разрешил мне Господь посетить тебя, Макарушка, чтоб немного побеседовать с тобой, вразумить тебя и наставить на дальнейший путь. Запоминай, радость моя, все, что поведаю тебе, ибо премудрость эта не только тебе даруется, но и всем людям земли. Будешь странствовать по свету и разносить ее, раздавать каждому встреченному на твоём пути. А потом познакомишься с человеком, который сумеет знания эти на бумагу переложить. Перескажешь по памяти все, что слышал от меня, он тогда и запишет все в книгу свою.

– Как же, старче, мое отшельничество? – спросил Макарий, еще не успевший освоить столь чудесную перемену в своей пустынноческой жизни. – Ведь я ничего еще не достиг, как ты наставлял меня. Я не только силы поющего сердца не обрел, но и разум чуть вовсе не потерял в тяжелой брани с темными силами.

– О новом пути пришел я возвестить тебе, Макарушка. Старые времена состарились, новое время нарождается. Новый путь дается людям Всевышним в наступающей эпохе. Прежде духовных вершин достигали в уединении и молитве, в посте и воздержании, но теперь завершилась стезя закрытого от мира молитвенного делания. И моя жизнь, мой путь, Макарушка, были как бы завершающим актом этого прошлого времени. Отныне, радость моя, силу поющего сердца стяжать следует в мире, в сутолоке земной, житейской. Там, где гуща суеты, где кипят страсти человеческие, надобно обретать поющее сердце. А это, дорогой мой человек, куда сложнее, нежели вдали от человеческого вертепа в уединении, в тишине природы-матушки предаваться молитвенным созерцаниям. Для того и послал меня Господь, дабы поведать тебе, чтобы ты покинул свое пристанище и отправился обратно в мир и в нем завершил свое духовное восхождение. Знаю, что много ты претерпел на поле духовной брани, но на пользу это тебе, Макарушка. Потом спасибо скажешь, что испытания тебя взрастили и закалили. Душа твоя стала сильной, ибо ты преодолел три рубежа испытаний, устроенных тебе темными силами.

– Истинно, старче, я как будто в аду побывал, мерзость запустения пережил. И страшнее этой мерзости, пустоты безбожной нет ничего на свете.

– Ты приобрел опыт бесценный, потому как подлинный рост духовный можно получить не через абстрактные знания, не через чтение, беседы, пересуды всякие, а посредством реальных испытаний, трудностей, искушений.

– Если бы я знал, что мне предстоит, то, наверное, поколебался и не пошел бы на это.

– Пошел бы, Макарушка, потому что каждый человек сам для себя испытания выбирает, меру их сам для себя определяет. Именно через испытания, как через ступени, пороги, растет человек, поднимается выше к небу, Богу.

– А если эти испытания сверх меры человеческих сил? Тогда погибнуть может человек?

– Жил-был один народ. Люди как люди, ничем от других не отличались. Только роптали они, глядя на другой народ, все им казалось, что у них дождя мало, засухи много, земля каменистая, – в общем, много чего было, что, по их мнению, делало их жизнь более тяжелой, чем у соседнего народа. Услышал Бог роптание этого народа и сказал им: «Слышал я, что вы недовольны судьбой своей, недовольны тем, что несете ношу более тяжелую, нежели другие народы. Что ж, выбирайте на этом поле такой камень, который вы смогли бы унести, какой, по вашему мнению, был бы вам по силам». Показал им поле, на котором рассыпано было множество камней разной величины. Побежал этот народ, стал искать камень поменьше.

Долго они ссорились меж собой, какой камень легче, наконец успокоились, нашли такой, какой, по их разумению, более всего подходил им. «Все, Господь, – воззвали они. – Нашли мы свой камень, свою ношу, какую мы унесем». Посмотрел на их камень Господь и сказал: «Взяли вы камень не свой, эту ношу несет соседний народ, который, по вашему разумению, более счастлив и удачлив. Ваша ноша, ваш камень столь мал, что вы его и не заметили на моем поле». Не бывает, радость моя, испытаний сверх меры, каждому дается груз по силе, по плечам, по мере, какую сможет человек одолеть. Конечно, нелегко это, поднапрячься надобно, найти в себе дополнительные, скрытые энергии, резервы, которые дремлют в человеке. А как же без этого? Для того и трудности, чтобы заставить нас работать над собой, чтобы мы взрастили в себе такие великие силы, которые нас сделают подобными Богу.

– Трудно мне понять, отче, что мы сами для себя трудности создаем, я ведь для себя ничего не делал.

– Ты, Макарушка, как и любой человек, – уникальная Вселенная, космос, но этот космос входит в соприкосновение с глобальным мирозданием, в котором ты живешь, дышишь, творишь, мыслишь. И мироздание чувствует каждого человека, осязает каждую клеточку твоего существа, каждый атом твоей природы, как самое себя. Всякое несовершенство, невежество, дурной поступок, негативные мысли отражаются от человека, как от транслятора, во все стороны и заполняют всю Вселенную. А Вселенная, радость моя, реагирует на эту клеточку, посылая ей испытания, дабы соделать человека более совершенным, чистым, исполненным любви и благодати. Поэтому и говорят, что даже болезни – это наши учителя. Потому как через страдания человек задумывается о своей жизни, о ее смысле, о бренности бытия и хворями побуждается искать более совершенную, здоровую стезю бытия, ведущую к Богу и свету, любви и гармонии. Это все равно что зеркало: какую рожу скорчил, такая на тебя и глядит. Подобное зеркало есть у Вселенной, которая лишь проецирует на человека то, что сам человек создает своей жизнью, мыслями, поступками.

– Разве могут болезни научить? – недоуменно спросил Макарий.

– Не только болезни, но и скорби учат нас многому. Другое дело, КАК воспринимает человек ту или иную напасть. Старается ли он заглянуть в корень причины заболевания, испытаний, какие даны ему, или озлобляется, ропщет на судьбу, на Бога и еще больше бежит от Бога, гармонии и счастья. Поэтому, Макарушка, как говорится, от себя не убежишь и того, что надобно тебе пройти, испытать для твоей же пользы, для твоего духовного роста, все равно не минуешь. Никуда не скроешься и не сбежишь от этого. Если бы ты смог оторваться от самого себя и взглянуть на себя со стороны, а точнее с высоты небесной, то увидел бы, что все испытания, какие ты преодолел в жизни, не наказание, не кара небесная, а благоволение, дар Божий. Вспомни, каким ты раньше был, как ты жил, о чем думал, о чем мечтал. Сидел ты, как крот, в норе своей. А сейчас?

– Верно, отче, я словно на волю вырвался и для меня новый мир открылся, Вселенная, где много солнца, воздуха, свободы и радости.

– Вот то-то и оно, – произнес назидательно Нектарий и поднял палец вверх. – И поверь мне, что это только начало, так как дальнейший твой путь, твои испытания, какие ты пройдешь, откроют для тебя невиданный мир любви, красоты и гармонии. В счастливое время ты, радость моя, живешь!

– Наверное, ты прав, старче. Я сейчас вот будто наружным оком взглянул на свою жизнь, на то, что мне пришлось пережить, испытать, и если бы вновь моя жизнь повторилась, то пусть бы было то, что было, без каких бы то ни было изменений.

– Зачастую, Макарушка, человек сетует на свою жизнь, на свою судьбу, что, дескать, она не такая благая, не такая хорошая и успешная, как у других. И глядя на других людей, более благополучных и более удачливых, завидует им и восклицает: «Отчего у меня такая жизнь тяжелая?!» А ведь такое разумение неверно, потому что каждому та жизнь, какая

ему нужна для пользы душевной. И скажу тебе, радость моя, что с человеком происходит не самое худшее, как он порой думает, а самое лучшее из того, что могло бы происходить. Поэтому прежде всего человек должен осмотреться вокруг себя и понять, насколько он счастлив, как много Господь даровал ему благ Своих. Умение благодарить Бога за все, что имеешь, а главное, не вслепую эту благодарность изливать, а истинно осознать, что действительно ты живешь благодатной жизнью, – основа духовной жизни человека. Если хочешь, фундамент, на котором выстраивается все остальное здание Божественного бытия человека. Ведь коли человек не осознает тех благ, какие имеет, и просит еще бо́льших, то зачем Богу давать большее, если человек еще не вступил в наследство, какое он уже имеет, какое ему уже дано?

– Верно, отче, порой человек не знает, насколько он счастлив, и осознает это лишь тогда, когда эта благодать отнимается.

– Действительно, Макарушка, люди ценят либо прошлое, в котором у них было все хорошо, либо воображаемое будущее, когда исполнятся их мечты и желания, а настоящее кажется пустым и даже бессмысленным. Не благодарит человек Бога за существование свое, за все, что у него сегодня, сейчас имеется. А у человека есть прежде всего жизнь, а это уже большое богатство, за которое можно благодарить Бога и порадоваться этому, ибо все остальное приложится. Но это лишь начало – как говорится, точка отсчета, потому что нужно идти дальше.

– Что же дальше?

– А дальше нужно творить свою жизнь, делать добрые и светлые дела, за которые надобно уметь благодарить самого себя. За дела и поступки, работу и усилия, какие ты совершил сегодня в своей жизни, нужно сказать себе спасибо. И делать это нужно ежедневно. Ведь многие, Макарушка, в жизни своей творят добрые, Божественные дела, порой даже неосознанно, так как живут по Божьим законам, записанным в душе человеческой, но не осознают этого, не замечают этого, не ставят себе в заслугу – а потому они всегда недовольны собой. А люди, недовольные собой, недовольны всем белым светом. А все потому, Макарушка, скажу тебе, что многие религии требуют от человека, чтобы он ненавидел самого себя, чтобы сосредотачивался на своих негативных, греховных сторонах и не замечал в себе хорошее. Даже грехом является то, когда ты сам себя похвалишь за добрые дела, поступки. Таким образом существование человеческое превращается в беспросветность и мрак. Потому как если стараться в себе видеть все плохое, а не замечать доброго, то самого себя и любить не будешь. А кто не любит самого себя, тот не любит никого. Можно сказать, Макарушка, что весь мир, вся цивилизация построена на отрицании себя, на негативном отношении человека к самому себе. И это для того, чтобы держать людей в узде, повиновении. Если человек думает о себе плохо, то он уже раб этого плохого, нет в нем радости, жажды творить лучшее и светлое, а есть лишь уныние и безразличие к себе и ко всему остальному. Таким человеком легко управлять, ибо он безвольный и подавленный.

– Но разве красиво, отче, когда человек самодовольный, самоуверенный и гордый?

– Благодарить себя за добрые дела и быть самодовольным – две разные вещи и даже противоположные. Ведь самодовольный человек – как животное, которому нужна только пища и сон да размножение, а все остальное ему не нужно. Самодовольный доволен неизвестно чем, как говорится у вас, сам себе приятный, а по какой причине непонятно. Подобно тому, как смех без причины – признак слабоумия, а не остроты разума. Иное дело чувство юмора – оно является признаком остроты ума. Когда же я говорю о благодарности самому себе, то имею в виду, что человек нацеливается на то доброе, светлое, полезное, что он совершил за прошедший день. Нужно уметь самому себе за это говорить спасибо. Это очень важно, поскольку тогда человек как бы всю свою жизнь, деятельность, мысли и чувства настраивает, направляет на доброе и светлое. Если человек сумел вычленил из всей суеты

своего дня Божественное и это Божественное поднял над собой, как флаг, то он и будет идти под этим флагом завтра, послезавтра и всю жизнь. Этот флаг будет ему напоминать о главном, позволит не останавливаться, не заострять внимания на негативном, на собственных погрешностях и чужих промахах. А если все время над собой держать флаг, сотканный из своих проступков, оплошностей, согрешений, то куда под таким флагом придешь, кроме как к следующему проступку, падению и ошибке?

– Выходит, необходимо как бы все время фильтровать себя, свои дела, поступки, чтобы отсеивать все плохое, а хорошее, напротив, собирать и держать перед собой?

– Совершенно так. Тогда научится человек подлинно любить себя, потому как увидит, что есть за что себя благодарить. Невозможно любить себя просто так, нужно иметь причину – вот и твори, действуй, работай, чтобы была причина любви к самому себе. И не обязательно, чтобы это были великие дела, нет. Напротив, все великое творится незаметным образом. Пусть это будут крупички, всего лишь крупички любви и тепла, какое ты подаришь людям, миру, Вселенной в этот день. Но за эти крупички нужно поблагодарить себя, сказав самому себе: «Молодец, это сделано хорошо». И можешь считать, что это сам Бог тебя благодарит, ибо когда ты благодаришь самого себя за добро, то сам Бог с тобой в это время говорит. Так шаг за шагом будет идти человек к самому себе, к своему доброму и светлому полюсу от полюса тьмы и зла. Перестанет себя ненавидеть – прекратит ненавидеть и весь мир. Начнет себя любить – и весь мир полюбит, и людей, и все Божие творение. Потому что как человек относится к себе, так относится и ко всему окружающему миру. Христос давал заповедь людям: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Если человек не любит самого себя, то как может возлюбить он ближнего? Я тебе уже говорил: если человек относится к себе плохо, с пренебрежением и даже ненавистью, то так же он ненавидит и ближних своих. Такое отношение к себе – это камень, о который споткнулась цивилизация и вот-вот упадет вовсе.

– Неужели от одного лишь заблуждения может разрушиться целая цивилизация?

– Большой человек, да о малый камешек споткнется – и разбиться может. А этот камешек – нелюбовь к себе – не такой уж малый, как кажется. Это с виду только он мал, а по сути – скала краеугольная. Ведь сколько на землю ни приходило учителей, все они вещали об одном – о любви; сколько веков, тысячелетий миновало, а воз и ныне там, ничего не изменилось, люди не научились любить друг друга, в силу того, что не умеют любить самих себя. Не любят себя люди – разрушают собственную душу, тело, разум и потому все вокруг рушат, оскверняют, уничтожают.

– Получается, что религии проповедовали любовь, а проку от этого так и не было?

– Прок есть во всем, даже когда что-нибудь не вышло, это имеет свой смысл, свой толк, в силу того, что это было время для подготовки к чему-то большему. Человечество весь этот период приготавливалось к тому, чтобы принять поток высшей Любви, который сейчас и начал нисходить с небес на землю. Видишь ли, Макарушка, когда религии насаждали любовь, от нее отворачивались, когда насаждают что угодно, всегда в конечном счете получают противоположный результат. Когда организовывались религии, дух и любовь умирали. Любви нельзя научить, ее можно лишь пережить. А вот для того чтобы пережить ее, чтобы приобрести реальный опыт, нужно к этому стремиться и готовиться. Вот и была вся история человечества прожита для того, чтобы подготовиться к переживанию опыта высшей Любви.

– А что же теперь?

– А отныне, Макарушка, началась великая эра Любви, и всякий может эту Любовь небесную пережить в душе своей, в сердце, и для того нет надобности прятаться в ущельях, горах, пустынях, лесах. Нужно идти в мир и там творить дела добра и света, тогда Божественный поток Любви будет нисходить в сердце и душу, проявляться в делах, поступках, творениях. А главное, эта Любовь будет заставлять сердца человеческие петь от счастья и

радости. Песни поющих сердец наполнят мир, будут делать его красивым, сказочным, удивительным. От мира не нужно скрываться как прежде, отныне в него нужно идти, чтобы его темные стороны осветлить и преобразить. Тогда земная жизнь станет подобна небесной.

– Поведай, старче, а как там на небесах? Какой там ад, рай?

Нектарий улыбнулся, присел на чурбан и посмотрел на Макария так ласково и нежно, что у того сердце захолонуло, и продолжил:

– Господь, радость моя, есть Любовь великая, такая безмерная, что больше мира всего, более Вселенной и космоса. И разве может Любовь такое зло сотворить, как ад? Я ведь раньше тоже так думал, но после того как взошла душа моя в небесные селения, познал истину. Нет, Макарушка, никакого ада, а есть лишь любовь меньшая, большая и так по ступеням уходящая в бесконечность. Только зависит все от человека, сколько он любви своей в этой земной жизни источил, сколько ее пролил в мир окружающий, на людей и на всякую тварь живую и неживую, такую ступень любви наследует душа его после смерти. Царство Небесное – это многоэтажный мир, в котором чем выше этаж, тем больше любви. Душу можно сравнить с воздушным шаром. Когда человек в жизни любовь творит, проявляет милость, ласку, нежность, то будто наполняется его душа-шар газом особым, легче воздуха. После завершения земного странствования возносится этот шар в небеса. Чем больше в нем газа, то есть легкости, тем выше он поднимается. И Всевышний никого не распределяет по местам своим, поскольку каждый человек сам себе будущий этаж, селение небесного мира своею жизнью созидает.

– А как же те, которые вовсе никакой любви в жизни своей не проявили?

– А ты как думаешь, радость моя? Если Бог есть любовь, а любви человек за время своего земного бытия не проявил вовсе, то куда же душа пойдет? Если все вокруг нас – это Бог?

– Получается, что некуда ей идти?

– Истинно так, Макарушка! Такие люди смертью умирают, то есть умирают безвозвратно, будто и не жили вовсе и никогда не рождались. Господь нам говорит, что мало просто родиться, то есть чисто биологически, а надобно родиться еще и свыше. Что означает открыть душу свою любви, которая исходит не только с небес, но и отовсюду, ибо Всевышний повсюду. Когда человек познает любовь, когда откроется ей, тогда и происходит второе, а точнее сказать подлинное, рождение души, а по сути и человека.

– Что же с душой делается, которая не познала любовь? Душа-то ведь бессмертна.

– Душа оставит человека, прожившего свою жизнь без любви, так, будто никогда не была в этой материальной оболочке, и вернется к своему источнику – Богу. Если же человек откроет свою душу любви, то она навсегда остается человеку, то есть индивидуализируется и после земного бытия поднимется в небесный мир, заняв свой соответствующий уровень.

– Откуда же взялись бесы, демоны, которые нападали на меня? К тому же я переживал такое состояние души, что казалось, я побывал в аду.

– Люди сами создают этот адский мир. И нечистое воинство пополняется из дурных помыслов, темных желаний, негативных поступков человеческих. Всевышний желает всем только добра и любви. Из своей великой любви к своему творению Он дал людям свободу выбора: выбирать любовь или зло. Всякий раз, когда человек творит зло, – он творит свою вселенную тьмы, в которую сам же и попадает, проваливается, как в яму, увязает, как в болоте. Когда же человек несет свет и любовь, то получает царство Бога и поднимается к Божественным вершинам.

– Выходит, что ад создают сами люди, но если все вокруг Бог, то как же ад, темное царство существует в Божьем, светлом царстве любви?

– А все по милости и любви своей Господь позволяет в своем царстве света существовать и царству тьмы.

– Получается, что боролся я с самим собой, то есть с тем, что, собственно, сам и сотворил?

– Подлинно так, Макарушка. Всевышний создал человека по своему образу и подобию. А это значит, что Он желал и желает, чтобы мы были сотворцами Ему, чтобы мы расширяли царство Его любви, чтобы мы стали подобными Ему. Создавая нас, людей, Всевышний как бы отделил от Себя Свою часть, для того чтобы взглянуть на мир, на Себя со стороны. И таким образом получается, что человек – это спрятавшийся от Самого Себя Бог. Потому люди – это Боги, которые низведены с небес на землю, наделенные материальным телом, но память у них о своей божественности прикрыта. Вследствие этого всю жизнь свою людям надобно употребить для того, чтобы вспомнить, что они Боги, вспомнить о тех Божественных свойствах, которыми наделена человеческая природа.

– Что же это за свойства?

– В нас, людях, сокрыта вся полнота Божественных волшебных свойств, как ларец с чудесами. Вот как только мы в совершенствовании своем поднимаемся по лесенке к Богу, откуда в свое время спустились, так ларец открывается, и мы начинаем вспоминать, обнаруживать забытые возможности. Ведь человек, радость моя, и летать способен, и без пищи может обходиться месяцы и даже годы, и через огонь неповрежденным проходить, и даже под водой пребывать длительное время. И, конечно, многое-многое другое. На земле есть такие уникальные люди, феноменами их называют, а на самом деле все люди без исключения – феномены, каждый способен на многое, если будет он по лесенке Божественной восходить.

– Прости меня, старче, дерзкий вопрос у меня есть, но не могу с собою справиться, чтобы не задать его тебе, – произнес, смущаясь, Макарий.

– А ты не стесняйся, радость моя. Спрашивай, ведь мы все у Бога как на ладони, Он и мысли и чувства наши ведает.

– Скажи мне, отче, ты Бога видел? Какой Он?

И тут Нектарий рассмеялся, да так заливисто и игриво, будто по-детски. Макарий густо покраснел, подумав, что произнес некую глупость, которая привела старца к такому веселью.

– Не обижайся на меня, Макарушка, я ведь раньше тоже таким же наивным был и потому сейчас в тебе будто себя увидел. И не над тобой смеюсь, а над собой, над своим прежним неразумием. А твой вопрос очень хорош, он просто прекрасен, радость моя! А прекрасен он потому, что с него нужно было начинать нашу беседу, так как не поняв, какой Бог, не поймешь многое другое. А Бог, Макарушка, как бы тебе объяснить, – старец на мгновение задумался и весь заискрился какой-то неудержимой радостью, распирающей его изнутри, – Бог подобен ребенку, который веселится и играет. Он создал этот мир, Вселенную, природу, тварей живых, а главное, людей, для того, чтобы Ему было веселее играть в свою Божественную игру. Нет в этом Ребенке-Богe никакой злобы, никакой жестокости, мести, какими обычно наделяют Его мудрецы земного мира. Какая уж там злоба? Он всегда веселится и нас, людей, создал, чтобы ему было с кем играть, чтобы было с кем разделить и радость, и любовь, и счастье этого прекрасного бытия.

– Ну уж ты меня огорошил, отче. Все ожидал услышать от тебя, но не такое объяснение Бога, – выговорил Макарий, вытирая пот со лба.

– Прими, Макарушка, на веру. Понимаю, что трудно тебе воспринять такого Бога, ведь ты думал, что Бог – это такой грозный старик, жандарм, который следит зорко за людьми и грозит пальцем, если что не так на земле делается, не по Его указке. И если кто сильно зарвется, того и поразит своим перстом, пошлет каждому свое наказание по мере совершенного преступления, согрешения, провинности. А на самом деле Бог – это вовсе не старик, не жандарм, а Ребенок, который любит все вокруг, любит то, что Он создал. С теплотой и нежностью Он относится к Своему творению, а тем паче к венцу Своего создания – чело-

веку. Бог любит человека не меньше, нежели мать любит своего младенца. Христос говорил: будьте как дети, тогда войдете в Царство Небесное, потому что Царство Небесное и есть детское царство. И царство земное, и царство небесного мира – все сотворено Богом-Ребенком, который любит все без условий, который радуется всему, который лелеет каждую травинку, и былинку, и жучка, и паучка, и ничто не оставляет без Своей нежности и ласки.

– И все-таки объясни мне, старче, что же это за игра такая, какую Бог устроил, что мы все страдаем, мучаемся, слезы проливаем, убиваем друг друга? Сколько ведь зла на земле творится!

– Ведаю, Макарушка, сомнения твои и постараюсь рассеять их. Когда создал Бог человека, то приуготовил ему землю-матушку для райской, блаженной жизни. Первые люди и начали так жить, как задумал Бог. Они могли разговаривать и видеть Бога так же, как мы с тобой сейчас беседуем и видим друг друга. Дал Бог слово Себе, что Свое творение, то есть людей, наделит полной свободой, чтобы получилась игра подлинная, чтобы мы, люди, были полноправными, настоящими Его партнерами в игре. Но люди распорядились своею свободой по своему разумению. Затеяли свою игру, злую, жестокую, гибельную. Да так возгордились своей свободой, настолько увлеклись своей пагубной игрой, что перестали видеть Бога, а порой и вовсе стали забывать, что Он существует. Расстроился Бог-Ребенок от такого хода дел, да слово Себе дал, что не станет вмешиваться и не будет отнимать у Своего высшего творения – человека – свободы. Вот люди и пожинают плоды собственного выбора, вкушают плоды не Божественных, райских деревьев – вечной молодости, счастья и любви, а плоды своих деревьев – страдания, болезней и скорби.

Нектарий немного помолчал, видя глубокие размышления своего ученика, и продолжил.

– Пойми, Макарушка, Бог сотворил человека, чтобы играть с ним в игру любви и благодати, дабы человек в этой игре восходил в познании этих состояний духа, чтобы раскрывал свое сердце для просторов света и счастья, радости и любви. Тебе, вероятно, трудно будет это представить, но Бог скрылся от Самого Себя в людях для того, чтобы вернуться к Самому Себе. Бог – это самая большая вершина любви, человек своею жизнью должен был подниматься к этой вершине.

– Если это так, отче, то жизнь наша должна быть восхождением от одной любви к следующей, более высокой, от одной радости к другой, высшей, от малого счастья к большему.

Нектарий прослезился от умиления, от переживаний, которые его посещали в данное мгновение, когда Макарий шаг за шагом познавал небесную грамоту.

– Бог если и вмешивается в судьбы мира, радость моя, то вмешивается только любовью, посылает Он ее особенно тем, кто нуждается в ней более всего. А особо нуждающиеся – это люди, зло творящие, во мраке собственных игр темных живущие. Ведь они-то, грешники, маются, ищут удовольствий земных, грешат, а душа их болит и ноет, потому что не получает она ни радости, ни покоя, ни благодати.

– Однако, отче, мучаются не только грешники, но и те, кто живет праведной жизнью. Им также не хватает душевного мира и гармонии.

– А все потому, Макарушка, что всякая душа человеческая ищет прежде всего любви, и ничего более.

– Почему же любви? – спросил Макарий. – Многие находят удовлетворение в работе, творчестве, иных занятиях.

– Это только так говорится, что человек стремится к удовлетворению, а на самом деле в глубине души своей он жаждет любви. Потому как порой через работу, творчество приходит к человеку дух небесный, посещает его любовь большая, неземная, небесная. Вот тогда человек обретает счастье. И заметь, Макарушка, чем более в творениях человеческих любви про-

явлено, материализовано, тем прекраснее получается творение, тем больше другим людям через эту работу, дела передается дух света и благодати.

– А как же другие, те, которых не посещает небесная любовь?

– Сейчас новый мир нарождается, Макарушка, мир любви и благодати. Во всех уголках земли многие люди получают так же, как и ты, небесную грамоту, откровение, просветление. Бог любит весь мир, всех людей и никого не оставит без внимания Своего, никого не обделит Своими откровениями любви. Потому на земле появится много таких небесных грамоток, которые возвестят человечеству о наступлении новой эры.

– Что же это за эра?

– Эра любви, Макарушка. Будет вскоре на земле царствовать одна любовь, и ничего более. И останется в поднебесной одна религия – Любовь, а вернее, ничего не останется, никакой религии, а просто любовь. Любовь навсегда.

– Но ведь каждый человек идет к Богу своим путем, причем всякая религия, духовное течение убеждено, что только у них истинная вера и только их путь правилен и единственен.

– Много крови и слез пролито на земле из-за этого заблуждения. Сколько усилий, энергии тратится не на духовное восхождение, не на приобретение небесных, Божественных даров, а на противоборство, на борьбу друг с другом за право называться истинной верой. А Бог смотрит на нас, создания свои, которые обижают друг друга, воюют из-за Него, и скорбит, потому что любит и тех и других, и даже тех, кто вовсе не верует, что есть Бог. Нет у Бога различия по лицам, должностям, философиям, поступкам – все Его любимые братья и сестры, и каждому Он готов отдать любви Своей столько, сколько возьмет, примет человек.

– Верно, отче, воюют люди друг с другом часто потому, что думают, что у них вера правильная, а у других ложная.

– Вот и получается, Макарушка, что строится жизнь при таком раскладе не на утверждении любви и ласки на земле, а на споре и отрицании иных вер, иных мировоззрений. А какая любовь может быть, если ты отрицаешь? Как у Бога, у Вселенной нет границ, так и у любви нет пределов. Никого она не отрицает, никого не унижает, ни с кем не спорит, никого не пытается насильно куда-нибудь притянуть. Напротив, любовь милует и одаривает, всех обласкивает и не спрашивает, кто этот человек: буддист или христианин, мусульманин или кришнаит, верующий или атеист, все едино – Божии люди, Боги.

– Что же это получается – что нет истинной веры?

– Все веры истинны, Макарушка, каждая имеет свою часть истины, но думает, что обладает ею целиком. В этом ошибка. Бог един, но Он не ограничивает Себя единством.

– Тогда выходит, что тот, кто восходит к Богу различными путями, познает Его более полно, объемно, что ли?

– Истинно так. Вот представь себе вершину горы, на которую альпинисты восходят с разных сторон. У каждой группы будет свой маршрут, дорога, а потому свое видение горы, свои трудности и препятствия и соответственно своя философия, своя методика подъема. Потому как одни поднимаются на гору со стороны, где она обрывистая, почти вертикальная, и здесь нужен один метод восхождения. С другой стороны эта гора пологая, в этом месте дуют ветры и сходят лавины. Тут нужна другая тактика восхождения. Все стремятся к одной и той же вершине, а думают, что у каждого своя гора, единственно истинная. Вот отсюда и все разногласия. Как говорится, что все пути ведут в Рим, так и все пути человеческие ведут к Богу, к любви.

– Как же мне, отче, разобраться во всем? Чему верить, а чему – нет?

– А ты верь всему, Макарушка, и не ошибешься. Ибо если веришь только одному, а остальному – нет, то по сути не веришь подлинно и тому одному, за что держишься. Потому что верить можно либо всему, либо ничему. Как любить. Если человек истинно любит, то он любит все и готов свою любовь раздать всему миру, каждому человеку, каждую тварь

обласкать, каждой травинке, былинке сказать доброе слово, послать улыбку, нежный взгляд. Как солнце светит всем и никого не обделяет теплом своим. Если же человек любит что-то одно, то он по сути не любит ничего, поскольку эта любовь умственная, не сердечная, да и не любовь это, а видимость одна.

– Какой же религии мне придерживаться, отче?

– Отныне у тебя, Макарушка, одна религия – Любовь, ее ищи, ее возвращай в себе, за ней следуй, а сердце тебе подскажет, где подлинная любовь, а где видимость одна и лукавство, где истинная ласка и нежность, а где лицедейство и фарисейство.

– Какая же эта любовь?

– Любовь, радость моя, – это новая энергия, которая, говоря по-научному, создает новое пространство, новое измерение, новое время. Ваши ученые уже стали обнаруживать, что со временем и с пространством что-то происходит. А происходит вот что. Когда человек исполняется любви Божественной, то его сердце, как реактор, создает такие мощные волны, что буквально облучает все вокруг себя, как радиация. И возле такого человека образуется маленькая вселенная с четырехмерным пространством. Этот человек видимо, то есть внешне, пребывая еще в старом мире, уже начинает жить в новом мире любви. То есть внутри трехмерного, старого мира с помощью энергии любви сотворяется четырехмерное пространство – новая Вселенная любви и благодати.

– Как же мне теперь жить, отче?

– В будущее можно попасть, если войдешь в сказку любви без остатка и без оглядки. Ступай в мир, Макарушка, и всюду проявляй свою любовь, раздавай ее щедро. И прежде всего слушай свое сердце: как оно екнет – значит, сообщает тебе о том, что здесь кому-то нужна твоя забота, твоя помощь, твоя ласка. И не слушай своего разума, который тут же начнет тебя отговаривать и давать лукавые, логичные советы. Живи, Макарушка, отныне так: слушай свое сердце и следуй его зову – такая тебе дорога любви предстоит.

– В мире, старче, немало обществ людей, много религиозных течений. Как в них разобратся, как мне с ними вести себя, что говорить?

– Там, где любовь, там и Бог, Макарушка. Потому не смотри ни на чины, ни на звания, ни на принадлежность человека к той или иной религии, а гляди в его сердце – насколько в нем присутствует, благоухает цветок любви, настолько он ближе к Богу. А что и как тебе говорить – не следует думать об этом, ибо когда надо, твое сердце само скажет лучше, чем твой разум. В этом пути любви ты обретешь силу поющего сердца. Будешь творить дела любви, и сердце твое постепенно начнет петь. Петь и днем, и ночью, и в радости, и в трудности, и на свободе, и в темнице. И самое главное, рассказывай о небесной грамоте тем, кто более всего нуждается в ней.

– Что же будет с религиями?

– Времена религий истаяли, миновали, наступило время всеобщей, тотальной любви, которая на самом деле спасет мир. Религии сослужили человечеству свою службу, но не преобразили его, все осталось на своих местах. Человечество не стало лучше, оно не изменилось, мир продолжает проваливаться в яму греха и невежества, порока и зла. И Всевышний, желая спасти мир, посылает в него любовь, которая струится с небес в сердца людей. Новая энергия любви отныне приходит от Господа на землю – это сила, которая заставит многие сердца проснуться, пробудиться, зазвучать песней. Сердца запоют у многих, Макарушка, и это будет сначала маленький хор поющих сердец, а потом он будет все больше и больше. Обязательно это будет.

– Но ведь не все знают об этом потоке преображающей любви.

– Господь для этого пошлет по всему свету небесные грамотки – благую весть о любви, сходящей с небес.

– Как же будет происходить преображение мира?

– Взгляни на деток малых. Они подобны ангелочкам, сердца их поют, и они радуются жизни просто так. Души их открыты всему миру, а мир сам по себе – это тоже песня Бога. Бог, творя мир, пел и веселился, радовался и праздновал, и все его творение насытилось этой Божественной песней, радостью, танцем, праздником. А детки, их сердца ведают Бога, они способны видеть и слышать Его. Потому, Макарушка, мы, взрослые, у деток должны научиться любви, песням и танцам, и за ними следуя, войдем в новый мир несказанного счастья и любви, красоты и гармонии. В эту Вселенную придут люди с детскими душами, сердцами, наполненными песней и весельем. Эра любви и благодати, о которой пророчествовали многие посвященные, – это воплощенная на земле сказка, Макарушка. Поверить в сказку, в новый сказочный мир способны только дети, потому и говорил Христос, что Царство Небесное наследуют дети. И предлагал Он мудрецам земным последовать по пути умаления своей души до уровня детского восприятия. Все святые, Макарушка, были по духу детьми.

– Где же мне, отче, умалиться? Возможно ли? Это как бы стать ненормальным, юродивым, что ли?

– Мир, радость моя, погибает именно от так называемой нормальности. Как раз нормальные и привели все человечество в омут тьмы и порока. Стать подобным ребенку возможно, лишь глубоко трансформировав свою личность. Это не просто тренировка, практика, занятие, это изменение самой программы человека. А для этого необходимо стирание личной истории человека. Когда люди говорят о любви, то, как правило, подразумевают поверхностные переживания, которые подобно волнам ходят по поверхности океана, не затрагивая его недр. А тем временем в глубине морской пучины все остается без изменений – мрак и неподвижность. Я же говорю о любви, которая проникает до самого основания существа человека, которая тотально трансформирует его природу. Помнишь, как бывшие рыбаки становились апостолами Христа? С ними вот такое глубинное преображение и происходило. Поверхностными переживаниями мир не преобразится – надобно, чтобы такие изменения в людях происходили, которые до корней волос соделают их чистыми, светлыми, искренними, исполненными любви, как дети.

– Отчего же ранее не было такого глубинного преображения?

– Оттого, что не подоспело время. Человечество до настоящего времени только готовилось к радикальному изменению, и вот сейчас с небес послан сильный луч любви, который будет основательно преобразовывать сущность людей, превращать нормальных в ненормальных, делать из взрослых детей, из стариков – в юношей. Было время знаний, Макарушка, пришло время любви. Ни законы, ни манифесты, ни жертвоприношения, ни ритуалы не смогли спасти мир. Даже слова потеряли смысл.

– А дела?

– Дела, совершаемые без любви, не изменяют мира, потому что в конечном счете не приносят ни благодати, ни счастья. Никакой земной силой мир не преобразишь, потому как самая действенная сила. Вот и человек, исполненный истинной любви, как бы бессилен, беззащитен, молчалив, ибо ему и говорить нечего. Он слаб с точки зрения логики, а вот в подлинном смысле Сам Господь в нем присутствует в Своей полноте мудрости, нежности и силы. Преобразить жизнь способна только сила небесная – Любовь. Любовь, Макарушка, побеждает все! Любовь рассеивает тьму, одолевает зло, осиливает невежество, рождает вселенные, одерживает верх над самой смертью, Любовь – Сам Всевышний. Что может сравниться с Господом?

– Задал ты мне загадку, отче: жить по еканью сердца. Как справиться с нею?

– А ты не думай ни с чем справляться. Иди по миру и слушай свое сердце – как оно екнет, так и последуй его призыву. Действуй и меньше рассуждай, а тем более ничего не бойся. Так как страх, Макарушка, убийца любви. На земле потому так мало любви, что люди

потеряли мужество, наполнены страхами, а любовь и страх – противники непримиримые. Там, где страх, там тьма, боль, невежество и слезы.

– Что же будет на земле?

– Бог-Ребенок хочет, чтобы на земле была сотворена сказка, чтобы все люди стали любить и жить, как дети. Чтобы все были открытыми, искренними, наивными, радостными. Чтобы мы все не тянули лямку мудрости и знаний, как батраки баржу на Волге, а чтобы мы праздновали жизнь, как птицы небесные, которые не сеют, не жнут и, главное, не беспокоятся о дне завтрашнем. Потому что беспокойство – враг праздника, враг радости, враг счастья. Каждый человек должен построить, сотворить свой маленький мир детства. Это будет вначале выглядеть как маленький островок любви и радости, счастья и красоты в бушующем океане порока, зла и невежества. Потом этих островков будет все больше и больше, доколе они не сольются в единый материк – страну вечной сказки и праздника. И не будет на земле много стран, а останется только одна – сказочная страна детства, в которой взрослые уподобятся детям. Старшие будут понимать детей и дружить с ними, учиться у них Божественной мудрости, а не следовать своему житейскому рассудку. Взрослые последуют за детьми, как за своими наставниками и учителями, которые приведут их в новый мир любви и благодати. И тогда, радость моя, не будет на земле ни плача, ни вопля, ни болезни. Ведь любовь, Макарушка, великая целительная сила, и поведаю тебе истину, что все болезни человеческие – от недостатка любви. Любовь животворит и воскрешает, любовь побеждает смерть. Смерти уже на земле не будет, ибо смерть наступает тоже от недостатка любви, а любви станет много, так много, что ничего кроме нее не останется. Любовь, радость моя, это и есть бессмертие, и не только духовное, но и телесное. Тогда вновь, как и в райские времена, люди увидят Бога и будут беседовать с Ним, как мы с тобой. И сердца человеческие начнут петь сами по себе, а не от каких бы то ни было усилий, потому что переполнятся любовью, радостью, счастьем. Это будет праздник навсегда, и не будет ему конца во веки веков.

– Что же делать простым людям?

– Каждый человек должен сам по себе стать островом детской любви и искренности, открытости и нежности. И тогда вокруг себя он будет излучать любовь и красоту, которые начнут отражаться на всем, к чему только ни прикоснутся его рука, душа, мысль. Все будет делать, творить, созидать красиво, божественно. Мир вокруг такого человека станет преображаться, меняться, превращаться в сказку, в оазис чудес, в страну нескончаемого праздника.

– С чего начать, отче?

– У каждого человека, Макарушка, накоплено немало поражений, то есть проступков, когда человек обидел кого-то, кого-то осудил, обругал словесно или про себя, это неважно. Существенно то, что всякий раз, когда человек проявляет в своей жизни качества, противоположные любви, то есть гнев, злость, обман, стяжание мирских благ и так далее, – тогда эти поражения, я их так называю, становятся для человека как бы якорями, которые, подобно крючкам, цепляются за сердце человеческое и не дают ему не только исполняться любовью, но даже просто спокойно биться. Живем мы все с этими «крючками», с занозами в сердце и не можем стать счастливыми, оттого что боль всегда есть в сердце. Даже когда кажется, что все у нас хорошо, все в порядке, на самом деле мы уже настолько привыкаем к этим якорькам, что и не чувствуем их. Подлинной, детской любовью такое закрючванное сердце исполниться не способно. Кроме того, немало на душевном складе, как я называю то место, где хранятся наши поражения, собрано тех переживаний жизни, когда нас унизили, оскорбили, обидели. И это тоже я называю поражениями, потому как и обидчик, и тот, кто обижается, оба терпят поражение, хотя и стоят на разных берегах, полюсах.

– Отчего же, отче, поражение терпит тот, кого обижают? Ведь он является потерпевшей стороной, поэтому его нужно пожалеть и поддержать.

– Во-первых, поражение терпит тот, кого обидели, унизили, потому что он ПРИНИМАЕТ это унижение и оскорбление. Принимает! А это значит, что в этом человеке много гордыни, которая, как стена, воздвигнута в сознании, и в нее летят любые камни снаружи и сотрясают его существо. А станет душа человеческая чиста и прозрачна, как небо, так и бросай в нее любые камни, пускай любые стрелы – не изменится она, не помрачнеет, не останется в ней ни следов, ни рубцов, ни отметин. А ведь, Макарушка, сколько бед приносят себе люди, в хранилищах душ которых содержатся эти памятные отметины! Сколько слез проливается из-за обид, несть числа им. Человек за свою жизнь порой ни разу и не вздохнет полной грудью, потому что свободно дышать невозможно с этим грузом. Душно, мрачно, беспросветно в сердцах таких людей. Вот и умирают люди, когда можно жить и быть счастливыми. Тогда как другие пребывают в счастье и радости, когда жить нет возможности.

А во-вторых, Макарушка, помогать нужно всем, да вот только привязываться к жалости не нужно, поскольку жалость в конечном счете губит человека. Человеку надобно вместо жалости предложить путь к счастью и свету. И необходимо помочь ему этот путь найти и ступить на него. Вот тогда это будет действенная помощь, та, которая направляет человека к совершенству, любви и гармонии. Когда же мы проявляем «слюнявую» жалость, ноем, плачем, а ничего не предлагаем и не делаем – не помогаем, от этого никому ни пользы, ни подлинного утешения нет. Настоящее утешение – это шаг, попытка выбраться из ямы, куда провалился, рывок наружу, наверх, к солнцу и небу.

– Как же избавиться от этих крючочков и якорей?

– Дам тебе, Макарушка, ключ волшебный, как открыть этот сундук и выбросить из него истлевшее, сгнившее старье поражений и обид. А ключ к подлинному очищению лежит в том, что место поражения должно стать местом победы, место падения должно превратиться в место подъема. Это значит, что мы должны прежде всего подумать, вспомнить, покопаться в своих запасниках памяти, где и когда в своей жизни мы потерпели наибольшее поражение. Затем нужно вернуться в то место, к тем людям, которых ты обидел или которые тебя обидели, и победить. Там, в этом месте поражения, человеку следует излить любовь свою. Там, где ты упал, надобно подняться с помощью самой большой силы – любви. Мы, как и Бог, должны действовать только любовью и только ею побеждать. Древние говорили, что самый слабый побеждает самого сильного. Они так вещали, ибо знали, что самый слабый – это Бог-Ребенок, Он же и самый сильный. Чем ближе мы к Богу, тем мы как бы слабее для мира делаемся, а на самом деле мы приобретаем силу непобедимую, Божественную – Любовь. В месте поражения излучить свою любовь – вот ключ волшебный, ведущий к очищению и свободе, к свету и еще большей любви. Как только мы это сотворим, так все изменится, якорь будет сорван, и корабль человеческой жизни ринется, понесется по просторам бытия свободно и радостно. Понимаешь, Макарушка, каждому человеку Бог дает свое счастье, каждому оно приготовлено как подарок. Однако не идет человек к нему, не может, потому как не пускают его якоря. Вернуться надобно в те места, где были получены поражения, и там одержать победу любовью и нежностью.

– А если уже ничего нельзя изменить? Бывают же такие случаи.

– Нет, радость моя, случаев, когда ничего изменить невозможно, потому что изменить нам следует не снаружи, а внутри себя. Победу мы одержать должны не над миром, людьми, обстоятельствами, а над самими собой. Тебя обидел человек, а ты возьми и сделай ему добро, подари ему тепло и ласку своей души – и узелок-то развяжется, якорек спадет с твоего сердца. После этого тебе станет и жить, и дышать легче. Через такие победы любовью в местах твоего поражения сердце шаг за шагом, победа за победой будет обретать чистоту. Но это только начало, оттого что сердцу надобно получить не только чистоту, но и свободу. Без последней нельзя дойти до своего счастья, невозможно обрести еще большую любовь, поскольку любовь Божественная есть не только бесстрашие, но и свобода. Как птица не

может лететь без простора, так и душе необходимо пространство, где много воздуха и неба. Разве может любовь расти в помещении, в каких бы то ни было границах?

– Как же научиться свободе сердца?

– Этому нам следует учиться у детей. Ведь ребенок и есть безграничное существо, и потому он любит и живет, как Бог. Бог – как ребенок, а дети – как Боги.

Нектарий как-то весь подтянулся, будто превратился в узкий лучик солнца, и этот лучик отразился в сердце Макария, который внимал словам, как чистый лист бумаги «внимает» перу.

– Восприятие у ребенка глубоко мистично, Макарушка, божественно. Он абсолютно свободен, ибо смотрит всегда в вечное. Например, ты идешь по шумной улице, где раздается рев машин, стоит гул людского движения. Ребенок следует с тобой, и вот он тебе что-то говорит, а ты его не слышишь, потому что не слушаешь, ибо занят своими важными делами. Вот он начинает кричать, чтобы его услышали, и ты вынужден наконец-то обратить внимание на его возгласы и с раздражением говоришь: «Ну что там еще?» А он умилительно так восклицает: «Вон птичка!» – «Где птичка, какая птичка?» – спрашиваешь ты недовольно. И наконец оторвав взгляд от сутолоки земной, действительно замечаешь воробушка, который нашел где-то хлебную корку и весело скачет с ней под деревом по зеленой травке. Действительно, скажешь ты, у меня столько проблем, я везде опаздываю, нужно сделать еще столько дел, а тут воробушек. Так ли это важно? А я тебе скажу, Макарушка, не то что важно, а именно этот воробушек важнее всего в жизни в этот момент. Ребенок – как стрелка, как вектор, указывает на Божественное. Взрослому же трудно сконцентрироваться на непреходящем, для этого нужны усилия, которые сведут его с колеи многозаботливости житейской и вернут в состояние первозданного восприятия, какое еще не потеряно у ребенка.

Или, например, мама копается в огороде, сажает овощи, и все мысли, и усилия ее сосредоточены на том, чтобы быстрее сделать свою работу, а тут дочка подходит и восклицает: «Мамочка, там жук сидит!» Маме, конечно, некогда, и она отвечает: «Хорошо, дочка, иди, играй». А ребенок все равно настаивает, и все существо ребенка волнуется, тревожится, потому что для нее это так потрясающе, так значительно, что важнее ничего на белом свете нет. Ведь она очень хочет разделить это удивительное открытие со всеми, и прежде всего со своей мамой. Наконец женщина уступает уговорам дочери, и они вместе идут смотреть жука майского золотистого, который спрятался под листочком травы. В этот момент ребенок возвращает мамино сознание в детство, а по сути устремляет его в вечное, направляет в созерцание непреходящей Божьей красоты и благодати. В этот момент человеческое сердце выходит из рамок, узилищ взрослой жизни и погружается в Божественные просторы бытия. Но это происходит лишь мгновение, потому как тут же женщина вновь возвратится к работе, включится в привычный поток взрослой жизни, полный забот, хлопот, волнений.

– Откуда ты можешь знать, отче, что происходит в мире? Ты так рассказываешь, будто описываешь виденные тобою картины современной жизни.

– Что ты, Макарушка, – нешто забыл, откуда я пришел? – улыбнулся ласково и укорительно Нектарий. – С небес видна не только вся современная жизнь, но и прошлая, и будущая.

– Выходит, будущее предопределено?

– Не совсем, радость моя. У будущего несколько дорожек, все зависит от человека, по какой он пойдет, то и найдет. Помнишь, как в сказке: направо пойдешь, счастье найдешь, налево пойдешь – коня потеряешь и так далее. Так вот и сейчас такая же задача стоит перед людьми, перед всем человечеством: выбрать, по какому пути дальше следовать. Какую дороженьку выберут люди, такое у них и будет будущее. Чтобы это будущее было счастливым и радостным, Макарушка, есть только один указатель, куда идти. За детьми пойдешь – новый мир любви и счастья найдешь. Дети – учителя взрослых, они смотрят как бы перпендику-

лярно по сравнению с обычным, взрослым зрением, пронзают мир не вдоль, а в глубину. Они постоянно дергают взрослых, останавливают – дескать, подождите, не спешите, пора осмотреться вокруг, по-новому понять, как нужно жить и что делать. Сколько же можно спешить, сколько можно суетиться, беспокоиться и стремиться к каким-то сиюминутным ценностям и ничего не добиваться – ни счастья, ни гармонии, ни любви. А взрослым некогда слушать. Нужно везде успеть. Все торопятся, Макарушка, только вот куда и зачем – еще никто не ответил. Это как в анекдоте: у Вани, который куда-то бежит, спрашивают:

– Вань, ты куда?

А он отвечает:

– Куда народ, туда и я.

– А народ куда?

– Не знаю! – отвечает Ваня.

Вот так, радость моя, и в жизни земной, никто не знает, куда идет. Никто. Например, везет отец сына в машине. Малыш сзади сидит и кричит папе, пытаюсь перекрычать гул машины. Мужчина занят дорогой, вождением, его голова полна всяческих планов и неотложных дел. А сынок опять возглашает, силясь перекрычать все шумы. Отец наконец приглушает магнитофон в машине и спрашивает: «Что ты хочешь, что случилось?» И слышит радостный возглас ребенка о том, что вон там, на другой стороне дороги, елочка и что под ней, наверное, игрушки. Глупость, подумает папа, ребенок, что с него возьмешь. А вот если бы взял и остановился, да прошелся бы вместе с малышом к елочке, послушал бы его рассказ – да не снисходительно, а серьезно, пытаюсь глубоко проникнуть в мировосприятие своего сына, тогда, возможно, его душа хоть бы на миг распахнулась для любви и красоты, радости и гармонии, вечности и праздника. Вероятно, после этого изменилось бы сознание отца, и принял бы он новые решения в своей жизни, более мудрые, светлые, Божественные. И так мало-помалу стал бы приобщаться мужчина к вечным потокам бытия, в которых еще живет его малыш, доколе и его не научили быть взрослым и «мудрым» от века сего.

– Получается, что нужно постоянно прислушиваться к детям. С их помощью как бы погружаться в их Божественное мировосприятие?

– Все Божественное, Макарушка, – искреннее, наивное, открытое, распахнутое. Умение взглянуть на мир глазами ребенка – высшая ступень свободы и любви. Детское сознание видит истину непосредственно. Ребенку нет надобности напрягать свой разум или сердце, поскольку между ним и Всевышним еще нет никаких стен, призм, очков, теорий, философий. Он созерцает Божественное непосредственно, без объяснений и логики, без слов и мудрствования. Потому надобно взрослым стараться подсматривать, КАК ребенок смотрит на мир, чтобы вернуться к первозданному сознанию, которое чисто, открыто и гармонично. Сколько учителей бродит вокруг нас, Макарушка, – я имею в виду детей! А мы, взрослые, не замечаем этого, и всякое обращение к нам, радостное восклицание по поводу того или иного предмета, который приводит в восторг ребенка, принимаем как нечто, не стоящее нашего внимания. Ибо то, что вызывает восхищение у малыша, для нас совершенно обыденно и не имеет никакого смысла. В том-то и дело, радость моя, что как только мы утратили Божественное видение, детское созерцание мира, мы утратили сам смысл нашей жизни, бытия. Вследствие этого, Макарушка, смысл жизни не в знании, а в сознании, не в мудрости, а в созерцании, не в словах, а в пребывании здесь и сейчас всем своим существом. Для всего мира взрослых такое подсматривание есть трамплин к новому сознанию, новому светлому мировосприятию, когда Божественное выходит на первый план, а все мирское, суетное и временное отодвигается на второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.